

Алексей Михалев

**СПАСИБО.
ВЫ СМОГЛИ...**

Алексей Евгеньевич Михалев

Спасибо. Вы смогли

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57489941

Спасибо. Вы смогли...: Реноме; СПб.; 2017

ISBN 978-5-91918-858-2

Аннотация

Автор возвращает нас в годы Великой Отечественной войны, а именно воскрешает в памяти почти забытых героев молодого гвардейцев, их беспримерный подвиг и мужество.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Алексей Евгеньевич
Михалев
Спасибо
Вы смогли...**

Уважаемый читатель!

Все, о чем я хочу рассказать в этой книге, полностью является литературным вымыслом.

Посвящается светлой памяти, безмерному и бессмертному подвигу юных героев Краснодона – «Молодой гвардии»...

Часть первая

Начало

Глава 1

– Чаю желаете?

Звонкий, щебечущий голосок юной проводницы заставил меня встрепенуться. Я, наверное, уже около часа, глядя в окошко пассажирского вагона, находился в своих молчаливых размышлениях – а потому даже не заметил, как она подошла и заглянула в мое купе.

– Ой, нет, красавица, спасибо. Питер скоро? Подъезжаем уже? – поинтересовался я.

– Скоро. Часа три еще, Малую Вишеру только проехали, – прошептала проводница, слегка обиженно добавив: – А чаю попить успели бы, между прочим.

Я улыбнулся и отрицательно качнул головой. Чаю мне совсем не хотелось. Хотелось водки – да только как-то неудобно это озвучивать перед девушкой. Дама все-таки. Строй-ненькая, молоденькая, одетая в железнодорожную форму, что так хорошо подходила ей, проводница довольно быстро и элегантно пробежалась летящей походкой по нашему вагону и скрылась в своем купе. Я вновь погрузился в «философ-

ские» размышления под монотонный стук колес. Размеренный ход поезда не замедлялся ни на секунду. За окном проносились леса, только начавшие просыпаться от долгой зимней спячки, и темные ельники царапали небо резными кронами. Обыкновенный пейзаж, наполненный оттенками ранней весны. Отличный фон для того, чтоб погрузиться в собственные мысли.

В моих размышлениях не было четкой направленности либо какой-то определенности, нет. Я просто иногда в них впадал. Такое со мной бывало. Размышления обо всем – о прошлом, о насущном, о том, что и вовсе не свершилось пока. Вспоминая какие-то яркие моменты своей жизни, я их анализировал, строил планы на будущее. Правда, планы эти были, мягко говоря, не совсем внятные.

Крайние лет семнадцать своей жизни я прослужил в вооруженных силах. В спецназе. Слово «крайние» я употребляю по привычке, так как в наших кругах слово «последний» произносить вслух вообще не принято. Последний – это вроде как совсем последний. Перед смертью, когда дороги назад совершенно точно нет. Такое вот суеверие. А жить мы хотим всегда. Подсознательно – хотим до жара в груди, до судороги в сжатых кулаках. Удивительная штука эта жизнь! Бывало, даже на уточнении некоторых задач для нашей спецгруппы сидим – размышляем, высказываемся, в глаза друг другу смотрим. И в глубине души каждый понимает: при определенных раскладах шансов вернуться живым маловато, а

порой и вовсе нет. И все равно все говорят «крайний». И тени сомнения насчет возвращения ни в ком не увидишь... Смерть ведь тоже штука странная: стоит хоть на один миг поверить в то, что «завтра» может и не наступить, как она сразу услышит. Услышит – и так станет за плечом, оскалится и будет ждать, когда допустишь ошибку, пусть даже самую незначительную.

Я ни капли не жалел о своем увольнении в запас. Скоро домой. Здравствуй, жизнь гражданская! Только я сам не понимал, радоваться этому или огорчаться? Вот то, что я сейчас как будто на другую планету попадаю, – это мне очень ясно представлялось. А какая она, эта неведомая планета? Что за быт там? Будет все совсем не как в спецназе, не как на войне, к чему я за семнадцать лет привык, а очень даже по-другому – это я знал точно! И разница ой как велика! Может, поэтому снова захотелось водки.

Конечно, призывался я восемнадцатилетним пацаном из одного мира, прослужил совсем в другом, ну а возвращаюсь тридцатипятилетним дядей в третий – и снова совершенно иной. А вот образований и освоенных специальностей для жизни в этом мире как-то маловато получалось. Потому что безумно хотелось верить в то, что стрелять, уничтожать и убивать мне больше не придется. Вообще. Никогда. Ах да, я же еще немецким языком владею в совершенстве. Хотя кому он нужен, этот мой немецкий?

Даже меня самого всегда удивляло увлечение этим язы-

ком. Откуда оно взялось? Всем непонятно было. В моей семье оба деда и бабушка по маминой линии в действующей армии на фронтах Великой Отечественной мир от фашизма освобождали, и этот язык им как-то неприятен был. Неудивительно, в общем-то: такое пережить... Оставшегося в живых деда и бабушку я, конечно же, в детстве вопросами доставал. Рассказать про войну частенько просил – пацан же мелкий совсем, интересно, как там было на самом деле, что происходило. Представление о том, что такое подвиг, у меня тогда было довольно смутное – а старики мои сами тот подвиг вершили наравне с другими. Вот и лез все время. А они как вздрагивали – каждый раз, когда разговор об этом заходил! Отвечали сухо, коротко, как будто ужасались воспоминаниям. Я только теперь понимаю почему. Человек, переживший кошмары войны, уже никогда прежним не будет, и даже звучание языка, на котором когда-то говорили враги, теперь для него ужасно. И тут вдруг я захлеб немецкий изучаю. Я почему-то вспомнил удивленные глаза нашей учительницы Маргариты Вадимовны, которую мы дружелюбно и уважительно Ахтунгом называли, когда я наизусть и почти без акцента «Дикую розу» Гете рассказывал. Она сняла очки, положила их на учительский стол. Затем так изумленно вскинула брови, внимательно слушая, приоткрыла рот, что я даже остановился, улыбнулся и после короткой паузы снова продолжил. Здорово получилось, ведь из всего класса мало кто понимал, о чем я вообще говорю. Понимала только пре-

подаватель – и искренне удивлялась. А уже в одиннадцатом классе, еще за полгода до выпускных экзаменов, Маргарита Вадимовна разрешила мне, в виде исключения, больше не посещать ее уроки. Но и я Ахтунга не подвел. Немецкий выбрал выпускным экзаменом и сдал на отлично, естественно. И «Дикую розу» до сих пор назубок помню, хоть и столько лет уже прошло.

Жаль еще, что физкультуру как выпускной экзамен сдавать нельзя было. В этой области мне тоже как-то легко все давалось. Быть слабаком мне никогда не хотелось, потому собой занимался упорно и результатов добился неплохих. КМСа по боксу я еще в школе выполнил, а вот на мастера спорта сдал уже перед самым призывом в армию. Сюда же – мой первый разряд по парашютному спорту, который в характеристиках в военкомат тоже указали. Поэтому распределение в спецназ ГРУ, в учебку для подготовки отдельных спецгрупп, меня даже не удивило – можно сказать, что я ожидал этого. Вот только немецкий мой там совсем не пригодился. А основные фразы на арабском, аварском, чеченском выучить пришлось. Оно и понятно, война ждала нас совсем другая. Более сложная, жестокая, запутанная...

Я часто вспоминал детские беседы с дедом, бабушкой. Те разговоры о храбрости, о мужестве, о великой чести и долге. И, уже будучи взрослым, навоевавшись вдоволь, даже как-то завидовал им, если это слово уместно в данном контексте. У них на войне правда одна была, абсолютно единственная,

святая и верная. Где враг, где зло, а где мы и добро – сразу понятно. Легко и просто. И воевать все шли с огненной верой в сердцах, готовые до последнего рубежа дойти, потому что в истине никто не сомневался. А у нас? Кто боевик или террорист, а кто герой России – разобраться не можем. И правда у каждого своя, та, что сердцу ближе. А кто больше прав или меньше – и не определить. Никто не назовет эту меру правдивости и правильности, разве что «умные люди» на голубых экранах, вещающие в эфире свои собственные истины. Жаль только, что война – это не теледебаты, поорать и разойтись не получится...

– Туалеты закрываю. Санкт-Петербург через сорок минут! – уже знакомый голосок вновь вернул меня в реальность. И тут же продолжил, зазвучав как-то требовательнее:

– Повнимательнее, не забываем свои вещи! Мужчина, выходить собираетесь? Конечная как-никак! – Я вздрогнул: ого, это уже лично мне адресовано! Проводница покачала головой, улыбнулась, словно журила меня, и с такой кокетливой иронией заметила: – Подъезжаем, а вы все в тапочках и шортах!

– Не волнуйтесь, быстро переоденусь, – весело парировал я в ответ. – Только дверь закрою, чтобы не смущаться, хорошо?

С этими словами я поднялся с места, аккуратно притворяя дверь моего купе, а проводница, широко улыбаясь, поспешила в свое, напоследок лукаво взмахнув ресницами.

Признаюсь, мне нравилось ее внимание – пускай и мимолетное. И улыбка красивая, и глаза – озорные, искристые, словно солнечные. «Только в этот раз даже номер телефона не спрошу», – подумал я и отстранение сам себе удивился. Как-то я очень задумчив крайнее время. Странно. После моего развода уже лет пять незаметно пролетело, да и переживал я его относительно спокойно. Жизнь вообще нынче такая, что личное счастье и благополучие стали понятиями размытыми – и это у тех, кто о войне разве что благодаря книгам знал да телевизору, что уж о нас говорить! Редко кому удавалось семью сохранить, при нашей-то работе! Кто же выдержит постоянное отсутствие мужа, бесконечно долгие, бессонные ночи в размышлениях: «Где он? Вернется ли живым?» Да и зарплатой нас в начале двухтысячных вовсе не баловали, приходилось пояса затягивать по полной программе! И так семь лет. Хотя мы уже и родными друг другу стали, близкими и думали, что так всегда будет...

Но нет. Все когда-нибудь кончается. Прилетаю из очередной командировки, а жена не бежит, как обычно, на шею не бросается, то ли смеясь, то ли плача от радости. Стоит в метре от меня молча, глаза в пол, головы не поднимает. Врать она мне не умела. Совсем. Да и сам я почувствовал все – сердце ведь не слепое, хоть и говорят, что у военных черствеет оно. Ан нет. Мы тогда почти и не разговаривали. Так, редкими фразами перебрасывались, коротко и по делу. Все и без слов было понятно обоим. Разойтись постарались без

истерик, сдержанно. И я даже рад, что не было между нами ни лжи, ни недомолвок, ни фальши.

Между тем поезд совсем замедлил ход, натужно запыхтел, словно зверь, переходящий со стремительного бега на совсем тихий шаг. В окошке уже мелькал перрон и радостные лица встречающих. Разглядеть их я не успевал – однако на вокзалах всегда улыбались прибывающим поездам. Здесь царила эта удивительная атмосфера счастья от предстоящих встреч, ожидания и легкой тоски. Кто-то держал пестрые букеты цветов, кто-то приветственно махал руками, а кто-то просто показывал таблички с надписями вроде «ТАХИ ЛЮКС» и тому подобные. В общем, повсюду была эта приятная, теплая суматоха.

Я накинул на плечо свою спортивную сумку, подождал, пока наш поезд полностью остановится, и, соблюдая очередность пассажирского потока, побрел по коридору вагона к выходу. Наша веселая проводница уже стояла на платформе возле вагона и контролировала выход пассажиров.

– До свидания. Спасибо, – вежливо улыбнулся я ей на прощанье, спускаясь с подножки.

– До свидания. Приходите еще! – кокетливо ответила она, тоже наградив меня лучезарной улыбкой, словно прощальным подарком.

Я широко, полной грудью вдохнул долгожданный свежий питерский воздух и, как обычно, быстрым шагом пошел к зданию вокзала.

Глава 2

Питер, здравствуй! Я долго ждал встречи с тобой. Для меня, пожалуй, это единственный город, где я мог бесцельно часами бродить по оживленным улицам и просто любоваться. Скромностью маленькой улочки или величием проспекта. Неисчерпаемой красотой архитектуры Санкт-Петербурга. Зданий и дворцов, соборов и храмов. Прелестью белых ночей, разведенных мостов и таинственным очарованием пустынных набережных. Я уже знал, что, как только приеду, первым делом снова отправлюсь гулять по Невскому от Московского вокзала до Дворцовой площади и обратно. Буду идти и наслаждаться каждым новым порывом сурового балтийского ветра, умеренной суетой всегда куда-то спешащих петербуржцев и даже громкими сигналами уставших от пробок водителей. Я неторопливо прошел через здание вокзала и вышел на площадь Восстания, окунаясь в любимый город целиком, с головой, как ныряют в прорубь.

Невский проспект. Сердце города. Сколько же всего видели старинные дома, что сейчас прижимались друг к другу, будто пытаясь спастись от промозглого ветра, спешащего вдоль дорог от Невы! Каждый раз, снова оказываясь здесь, я думал об этом – и каждый раз ответа найти не мог. Оставалось только головой качать, шагая и озираясь так, словно попал сюда впервые. Иногда я даже немного завидовал тури-

стам. Для них Питер был сплошной тайной, они не знали его секретов, они видели его только теперь – и им лишь предстояло влюбиться в этот город, над которым разливалось такое невероятное небо. С другой стороны, ни за что я не променял бы его на другие, пусть даже самые красивые города мира. Ни одно место на земле не могло так врасти в сердце, как Санкт-Петербург. И сейчас я уверенно шел вперед, с отстраненной улыбкой разглядывая такой знакомый, такой родной Невский проспект, и безмолвно здоровался. Здравствуй, город. Встречай меня. Я наконец вернулся к тебе.

Мы с Питером были давними друзьями. Он всегда встречал меня как своего приятеля, и этот раз не стал исключением. Казалось, что даже машины приветственно подмигивали мне, проезжая по Невскому в обе стороны. От уютных кафе тянуло запахом кофе – горьковато-сладким, пряным и резким. И таким родным. В Петербурге все было особенным – даже кофе. Даже вой ветра, прогуливающегося вдоль кромок крыш, между труб и чердачных окон. Даже лица людей, идущих мне навстречу. Было еще довольно холодно, и мой город пока не вышел из зимней спячки, однако здесь мне всегда по-настоящему тепло в любое время года. Давно за спиной остался Московский вокзал, впереди уже виднелся Аничков мост, и ветер стал резче и холоднее, кусачий, но во все не злой. Приезжим казалось всегда, что ветра у нас злые. Я же знал, что это совсем не так.

Вот и ты, Фонтанка. Ближе к отвесным стенам, сковываю-

щим реку, лед был прочным, а вот на середине он искололся и поднялся, пошел черными трещинами. Сквозь них поблескивали беспокойные воды. Захотелось поздороваться. Была у меня такая привычка – приветствовать Петербург от всей души. Я замер у перил моста, развернувшись лицом к реке и поглядывая то на нее, спящую во льдах, то на небо, затянутое облаками, то на темную статую гордого коня, вставшего на дыбы. Казалось, будто сейчас он вырвет поводья из рук удерживающего его всадника и помчится вдаль прямо по Невскому проспекту, а за ним – остальные три лошади, что, как и он, украшали Аничков мост. Скульптор постарался на славу.

Я побрел дальше, никуда не торопясь. Мне не было нужды спешить, и я мог спокойно насладиться этой встречей сполна. Кто-то сказал бы, что это все ерунда – как может быть встреча с городом? Встречать можно человека. При чем же здесь тогда Петербург? Но подобные мысли просто означали, что человек не знал еще жизни толком. Я же знал – и потому улыбался теперь, заново открывая для себя родной город. Эхо моих шагов ныряло во дворы-колодцы, отражалось от стекол. Его не было слышно за гулом машин, однако Питер слышал его – и наверняка улыбался мне в ответ. Низкое небо висело над головой, но не давило. Я привык к нему и любил его всем сердцем. Нигде не видел такого неба. Да и всего остального тоже. Вот Екатерининский сад, и с постамента на меня глядит Ее Величество Императрица. Сад пу-

ствовал – ранней весной деревья еще стояли голыми, а потому особо никто тут не прогуливался. Разве что голуби торопливо ковыляли от меня к ограде, потревоженные энергичным шагом. Да еще навстречу шли люди – незнакомцы, с каждым из которых меня связывала великая тайна. И у тайны этой было имя моего города.

Вдоль Невского я шел в сторону Казанского собора – вон впереди уже показался самый край колоннады. Через дорогу напротив виднелась вычурная крыша дома, где теперь расположен большой книжный магазин, а раньше находилась мануфактура «Зингер». У Казанского, несмотря на время года, как всегда, были толпы туристов. Сюда приезжали независимо от погоды, от температуры, от праздников – просто потому, что, побывав здесь однажды, уже невозможно было забыть величественную архитектуру и стройные ряды колонн. Даже сам воздух здесь пах иначе. Свободой, вековой историей, Невой... По привычке, дойдя до набережной канала Грибоедова, я обернулся, чтобы взглянуть на цветные резные маковки Спаса-на-Крови. Собор виднелся неподалеку, зеркально отражаясь на льду, и в голове вновь промелькнула ликующая мысль: «Я вернулся!» И, словно в ответ, мне с Невы вновь повеяло холодом – видимо, река тоже хотела поприветствовать меня. Ну что же, нельзя заставлять матушку-Неву ждать долго. Да и хотелось мне дойти до Дворцовой площади по старым мостовым, добраться до набережной и поглядеть на нее, беспокойную, – кто знает, вдруг ее воды

уже разбили ледяные оковы?

А чуть дальше в небо впивалась золотая игла Адмиралтейства, и трепетали флаги на ветру, и Петербург казался мне праздничным в этот самый обыкновенный день. В день, когда я возвратился домой.

Глава 3

В марте, ранней весной, темнеет в Питере довольно быстро. До белых ночей еще далеко. Город уже погружался в таинственный сумрак, когда я как раз находился у входа на станцию метро «Невский проспект». Прогулялся я неплохо, успев навестить и Неву, и Исаакиевский собор, и Дворцовую площадь, и стрелку Васильевского острова. Теперь – пора домой. Я купил в кассе жетончик метрополитена и, пройдя через турникет, поехал на эскалаторе вниз, в одну из самых глубоких подземок в мире. Вот еще один повод гордиться Петербургом: столько загадок в нем было, столько славных историй. Особой оживленности в метро, к моему удивлению, не было. Видимо, вечерний час пик уже закончился, и столпотворений больше не предвиделось, поэтому я удобно расположился на сиденье полупустого вагона. Ехать мне совсем недолго, минут через двадцать будет «Проспект Просвещения», затем – маршрутка до Сертолово¹, и вот я уже знакомыми двориками подхожу к дому. Здесь ничего не изменилось – окошки горят все тем же теплым светом, словно улыбаются мне. И что-то греет в груди.

По окончании военной службы я всегда хотел остаться в Питере. Вы, пожалуй, уже поняли, что город этот я искрен-

---

¹ Сертолово – ближайший пригород Санкт-Петербурга. (Здесь и далее примеч. авт.)

не полюбил, сразу же и бесповоротно. Причем любовь была такой неожиданной, таинственной, как любовь с первого взгляда. Когда причины возникшего чувства ни понять, ни объяснить нельзя – зато откуда-то знаешь, что это навсегда. Не мог я представить себя где-нибудь в другом месте. Все тогда было бы не тем. Поэтому, когда появилась возможность мою небольшую служебную двухкомнатную квартиру в Сертолово оставить за собой постоянно, я незамедлительно этим и воспользовался. И ни разу об этом не пожалел. Без Петербурга я уже не был бы собой.

Знакомый супермаркет рядом с домом. Нужно зайти обязательно. И продуктов купить, перекусить с дороги – дома-то нет ничего, да и водки мне еще в поезде хотелось. В конце концов, сегодня у меня был своеобразный праздник – стало быть, полагалось по чести отметить.

Строгая, пышная, очень серьезная кассирша в красном форменном халате с бейджиком «Старший продавец Людмила» измерила меня уставшим, удивленным взглядом.

– Мужчина, вы что, с луны свалились? Время двадцать три четырнадцать, алкоголь не продается! – не терпящим возражений и чуть раздраженным тоном произнесла она и властным жестом отставила в сторону семисотграммовую бутылку «Парламента».

– Вы почти угадали. Практически с луны... Ничего себе, как серьезно у вас здесь все и строго! – слегка иронично заметил я. Во всем происходящем ощущались невероятное

тепло и какой-то уют, от которого я давно отвык.

– А у вас? – недоуменно воззрилась на меня старший продавец. В голосе ее звучало такое неподдельное удивление, что я не сдержал короткого смешка.

– У нас? Да как-то попроще было. Ну, значит, не судьба. Спасибо, до свидания, – максимально вежливо закончил я диалог. Затем положил свои салаты, хлеб, сыр и колбасу в продуктовый пакет и направился к выходу.

От магазина до моего дома совсем недалеко, метров сто, не более. После полутора суток в поезде и долгой прогулки по улицам родного города это и вовсе пустяк. И вот я уже около своей второй парадной, как говорят петербуржцы, – тоже всякий раз гордость брала, когда проговаривал это слово. Все-таки как же красиво звучит: «парадная»! И хотя дом мой простенькой панельной постройкой, исполненный военными строителями для министерства обороны, с хорошо обшарпанными стенами, открытыми балкончиками и старенькими дверьми, – тем не менее все же парадная. Так здесь принято, извините. Каждый житель Питера подтвердит. Удивительное дело: даже совсем новые дома здесь сразу же впитывали в себя атмосферу города, его долгую, удивительную историю, а потому называть парадную подъездом никак не получалось. Да и пробовать даже не хотелось.

Я достал ключи из кармашка своей спортивной сумки, магнитный приложил к замку домофона. Услышав приветственное пиликанье, вошел в парадную и поднялся на второй

этаж. Квартира налево. Знакомая дверь. Открываю. Вот я и дома – даже самому не верится. Здесь по-прежнему пахло бытом, ведь я приезжал сюда периодически, а потому нежилым помещению не казалось. Напротив – квартира словно ждала меня все это время. Как добрый друг или преданный пес. Весь нехитрый и небогатый интерьер моего скромного жилища находился в том же самом состоянии, в каком я оставил его, уехав отсюда восемь месяцев назад, по окончании очередного отпуска. Видавшая виды стенка-горка, шкаф, стол, компьютер, стулья и небрежно задернутые мною шторы... Да. Здесь не изменилось ничего. И это было славно.

Переобувшись в домашние тапочки, прохожу на кухню. Все знакомое, родное. Хоть и по-прежнему непривычное. «Ну, с водкой не получилось, отметим приезд чайком!» – подумал я и щелкнул кнопку стоявшего на кухонном столе электрического чайника. Затем присел на стул и принялся ждать, когда вода закипит, попутно думая о своем.

Несмотря на приближающуюся полночь, спать не хотелось совершенно. Мысли лениво перешептывались в голове, и перед глазами вновь пронесся весь день – поезд, улыбка очаровательной проводницы, улицы Петербурга, небо и дорога домой. В квартире стояла тишина – здесь никто меня не ждал, однако печали в этом не было. О своем приезде я, как обычно, никому заранее не сообщил. Ни друзьям, ни знакомым.

Я всегда так делаю, приезжаю или прилетаю неожиданно, нежданно, как снег на голову. Почему? Сам не знаю. Вот только мне кажется, что незапланированные встречи гораздо важнее тех, что продуманы заранее. На поверку они всегда оказываются искреннее. Ярче и дороже. Их хочется запомнить и сохранить в памяти навсегда, они совершенно неповторимы. И потому такие вот внезапные налеты вошли у меня в привычку, став своеобразной традицией. А традиции стоит соблюдать, пожалуй.

«А Бот еще наверняка не спит. Ботаники-алхимики так рано не ложатся!» – крутилась в голове неугомонная мысль. И вот я уже достал свой древний мобильник, дабы проверить точно, спит ли мой дружище-однокашник в столь поздний час.

Глава 4

С Ботаником, Ботом, а если полностью – с Овечкиным Юрием Константиновичем, мы были закадычными друзьями вот уже четверть века, пожалуй. Еще с начальных классов средней школы. Я даже уже затрудняюсь припомнить точно, с чего именно началась наша дружба: то ли с того, что Юра всегда мог дать мне списать любой вариант самой сложной контрольной, то ли с того, что я периодически ограждал его от жестких «уколов» и насмешек одноклассников. А самые злостные его обидчики могли от меня и «леща» получить или подзатыльник. Хотя и насмешки эти были вполне обоснованны.

В школе Овечкин был худощавым, сутулым мальчиком, с жесткой, хаотично торчащей в разные стороны русой шевелюрой. Все детство он носил очки в светло-коричневой роговой оправе, с толстенными стеклами, что тоже частенько становилось поводом для всяческих поддразниваний со стороны сверстников. Впрочем, взгляд у Юрки всегда был твердым и уверенным, и за это я его по-своему уважал. Он постоянно находился в состоянии полнейшей гениальной небрежности. Только представьте себе человека, который, к примеру, мог прийти в школу в разных ботинках! С ног до головы перепачканного мелом, но все-таки доказавшего очередную сложнейшую теорему каким-то новым, ранее неизвестным

способом, измалевав всю классную доску. Этим мой друг неизменно вызывал безграничное восхищение наших математичек, химичек, физика, завуча и директора, а также ехидные смешки одноклассников, соответственно. И каких только прозвищ не пытались «приклеить» Юрке за наши школьные годы! Алхимик, Мендельсон, Склифосовский, Ломоно- сик... Да еще и при фамилии Овечкин – понятное дело, Юра вовсе не был знаменитым хоккеистом. А поэтому к списку добавлялись такие вариации, как Овцебык, Барашка, Твер- долобик и тому подобные. Но прозвище Ботаник, или сокра- щенно Бот, закрепилось за ним прочно – думаю, пожизнен- но. Кстати сказать, в контактах моего телефона именно так он и записан. Но на это уж мой однокашник точно не оби- жался. Овечкин вообще молодец, характер у него с малых лет спокойный и уравновешенный, не конфликтный. Это, в общем-то, тоже уважения заслуживало.

Не обращая внимания на насмешки однокашников, Юрка легко мог помочь любому решить сложнейшую задачу или теорему. Даже ребятам из старших классов неоднократно помогал. Запросто задания класс за девятый делал, в то вре- мя как мы еще в седьмом учились, – просто потому, что ин- тересно ему было. И не из-под родительской палки, а по-на- стоящему. Эта неординарность и необыкновенная живость ума определили дальнейший жизненный путь моего товари- ща.

Школа с золотой медалью, затем ТИХМ² – с красным дипломом, естественно. А вот поискать для себя интересную работу решил Юрка в Северной столице. Я поначалу помог ему снять недорогую, но вполне приличную комнату на Ваське³. Затем Бот довольно быстро устроился каким-то компьютерным специалистом в одно из многочисленных питерских ООО, на приличную, по его словам, зарплату. Вроде как все у него в жизни сложилось хорошо, и я был искренне рад, что наша дружба с годами не только не исчерпала себя, но и окрепла.

Вот и сейчас звонил я именно ему. Некоторое время в трубке раздавались лишь гудки, а затем звук оборвался, и из динамика послышался радостный голос моего друга:

– Сколько лет, сколько зим! Лесной, здорово! Смотрю, с питерского номера звонишь. Валерка, ты чего, приехал?!

Лесной – это мое еще детское прозвище, которое закрепилось за мной со школьных лет так же прочно, как Бот за Юркой. Образовано оно было от моей фамилии: Залесский. Просто и логично. Понятно же, что называть меня в школе Валерием Михайловичем никто не собирался. Так по сей день и осталось. Кстати сказать, даже моим радиопозывным в нашей спецгруппе всегда и неизменно оставался именно «Лесной».

---

² Тамбовский институт химического машиностроения (ТИХМ), с 1993 года – Тамбовский государственный технический университет (ТГТУ).

³ Так сокращенно называют Васильевский остров в Санкт-Петербурге.

– Привет, дружище! Ты, как всегда, гениально логичен! – беззлобно съязвил я. – Рад слышать тебя. Когда увидимся?

– Да могу хоть сейчас подъехать, раз такое дело. Ты дома? – на всякий случай уточнил мой легкий на подъем товарищ.

– Дома. Подъезжай, конечно!

– Договорились. Валера, может и к столу захватить чего-нибудь за встречу? – предусмотрительно поинтересовался Юрка.

– Не помешает. А то в магазинах не продают уже... Не чаем же встречаться будем! – снова иронизировал я. В трубке раздался короткий согласный смешок, а затем Бот отключился. Я отложил мобильный и только теперь вспомнил о моем давно отключенном и уже остывшем чайнике.

Очевидно, Бот соберется быстро. Да и ехать по пустым ночным дорогам недолго. Никаких пробок к такому времени быть не должно. Думаю, такси он уже вызвал, так что через часок можно ждать. А раз так, стоило бы занять себя чем-нибудь. Все же, наконец, заварив себе крепкий чай, я направился в комнату, где находилось мое домашнее рабочее место.

Чай оказался довольно неплохим. Устроившись поудобнее, я подключил модем и запустил объект нередких Юркиных насмешек – мой древний и допотопный, по его мнению, компьютер. Для меня главным в технике всегда было то, работает она или нет. Остальное не имело никакого значения.

Новая она, старая – неважно. Когда компьютер загрузился, по привычке я кликнул мышкой на ярлык браузера на рабочем столе. Сайт «Молодая гвардия», посвященный героям Краснодона, посещался мною довольно часто. Сегодняшний вечер исключением не стал. Биографии, сохранившиеся документы, свидетельства очевидцев, фотографии, с которых на меня смотрели совсем юные, радостью светящиеся лица, описание подвига этих ребят, нечеловеческих мучений, которые им пришлось пережить, и гибели – все это производило на меня неизгладимое впечатление. В который раз я вспомнил свой самый первый бой. Бой, к которому меня неплохо подготовили в учебке спецназа. Бой, где рядом были товарищи из моей группы, чуть ли не каждый со званием не ниже мастера спорта, профессионалы ГРУ. И то непередаваемое чувство страха, животного ужаса, в которое приводят любого нормального человека свист пуль над головой, грохот взрывающихся рядом мин и снарядов. Ощущение витающей повсюду смерти, невидимым гигантским прессом давящее на подсознание. Мне приходилось выполнять боевые задачи в тылу врага. Непростые ощущения. Это когда у взрослых подготовленных спецов иногда волосы на голове встают дыбом и в жилах стынет кровь. Это когда даже один неправильный вдох может стать последним для всей группы, а невидимая глазу опасность постоянно, тяжело и четко ощущается каждой клеточкой всегда напряженного тела.

Вспоминая все это, я вновь и вновь безуспешно пытался

ответить на один и тот же вопрос. Какими качествами должен обладать подросток шестнадцати-семнадцати лет, чтобы создать подпольную организацию и вести успешные боевые действия в тылу врага?

В тылу армии, которая менее чем за один месяц полностью захватила Польшу, практически за такой же период – Францию. Удивительны не только профессионализм и хладнокровие, с которыми ребята осуществляли свои операции. Сколько же сил, сколько воли к победе, сколько чести было у молодых совсем мальчишек и девчонок, если они так самоотверженно и отважно боролись за свою страну? И почему же мощнейшая на тот момент армия в мире так и не смогла подчинить себе или сломать группу советских детей старшего школьного возраста? Ни пропагандой, ни устрашением, ни чудовищными пытками или казнью. Никак.

Глава 5

Именно в таких размышлениях и застало меня звонкое пиликанье домофона. Ожидание пролетело незаметно, а потому от неожиданности я даже вздрогнул. Оказавшись в коридоре, молча нажал на кнопку, повесил трубку на место и сразу же открыл входную дверь. Через мгновение передо мной стоял радостный, широко улыбающийся Бот – такой же всклокоченный, как и всегда. С нашей последней встречи Овечкин ничуть не изменился.

– Валерка! Здорово, друг! С приездом! – прогорланил он. Думаю, соседи могли простить нам столь шумное приветствие – давненько мы с ним не виделись.

– Привет, Юрец! – так же радостно воскликнул я, и мы обменялись традиционным рукопожатием, а после – дружескими хлопками по плечам. – Давай проходи, не стесняйся! Тапочки помнишь где?

– Конечно. Доставай пока, – Бот протянул мне продуктовый пакет, в котором позвякивали друг о друга две большие стеклянные бутылки, а сам принялся разуваться.

– Ого, нехило! Вижу, настроен ты решительно! – констатировал я, взвесив пакет в руке, и поставил одну бутылку с крепким алкоголем на стол, а вторую убрал в холодильник. Впрочем, ненадолго, судя по нашему настроению.

– Так ты же и научил, между прочим! «Пошлешь дура-

ка за бутылкой, он одну и принесет». Чья поговорка? – иронично заметил Бот и, быстро освоившись, прошел следом за мной на кухню. Целенаправленно подойдя к моему кухонному шкафчику, он по-хозяйски извлек оттуда две стеклянные стопочки.

Посмеиваясь, я кивнул. Поговорка и впрямь была моя, тут и не поспоришь. Да и ничего против такого добротного подхода к встрече я не имел. Достав из холодильника салаты, наскоро порезал хлеб, сыр и колбасу, и теперь к нашей дружеской трапезе все было готово. Овечкин уже открыл бутылку, с присущей ему математической точностью наполнил стопки и, отсалютовав мне, торжественно произнес:

– Давай, Валерка. За приезд, за встречу!

После традиционного глубокого выдоха мы выпили махом содержимое стопок – до дна, пренебрежительно поморщились и тут же закусили.

– Ты как, в отпуск или в запас уже? – после короткой паузы поинтересовался мой товарищ, собирая импровизированный бутерброд из нарезки и вопросительно поглядывая на меня.

– Все, Юрок, насовсем, уволен. Встречай молодого пенсионера! – весело ответил я.

– Класс! Наконец-то! Навоевался, значит. Ну, ничего, пенсионер, бездельем на гражданке маяться не будешь. На работу мы тебя и здесь быстро устроим. Да даже в нашу фирму можно, начальником охраны.

Что скажешь? Согласен? – как обычно, сходу все решив, спросил Бот, вновь наполняя наши стопки.

– Погоди, предприимчивый ты наш. Посмотрим. Я ж только с поезда, еще даже сумку не разобрал – дай с дороги отдышаться хотя бы. Сам-то рассказывай, как она, жизнь гражданская? Что нового? И между первой и второй, как говорится... Давай за все хорошее! – я протянул руку за стопкой, мы символично чокнулись, снова выпили и закусили.

– У меня, друг Лесной, новостей множество! Это у тебя постоянно «ничего нового», «нельзя рассказывать» или «военная тайна». А у нас новости всегда есть, – ерничал уже слегка захмелевший Овечкин.

– Так это же замечательно, Юрка! Излагай скорее! – оживился я, с интересом глядя на друга.

– Сейчас, давай сначала третий выпьем, – предложил Бот и вновь наполнил рюмки. Я согласно кивнул, с благодарностью забирая стопку у него, и поднялся на ноги.

О моих военных традициях, связанных с третьим тостом, Юрка знал давно. Не первый год общались. Третий пьется стоя, не чокаясь. За тех, кого с нами нет. За всех погибших друзей, преждевременно ушедших родных, близких. Я стоял молча, опустив голову, вспоминал их лица, мысленно повторяя: «Царствие небесное. Светлая память. Вечный покой». Перед глазами появились вдруг и фотографии совсем молодых ребят из «Молодой гвардии», которые я рассматривал на сайте. Их детские улыбки, но в то же время твердые и уве-

ренные взгляды, полные какой-то абсолютно непоколебимой решимости. «Спите спокойно. Земля вам пухом», – подумал я и, выдохнув, влил в себя крепкую, обжигающую горло жидкость.

Вскоре за короткими диалогами мы опустошили первую бутылку. Достав из холодильника хорошо охлажденную, уже слегка запотевшую вторую, энергично принялись и за нее. Я-то держался хорошо, мне выпить нужно много, чтоб в голову ударило по-настоящему, а вот Бот в этом плане послабее был. Мой товарищ находился в довольно приличной стадии опьянения, когда слегка заплетающимся языком начал, активно жестикулируя, рассказывать свои главные новости, которые сразу же меня и шокировали.

– Понимаешь, Валера, я создал гениальное изобретение!.. – глаза Овечкина так и светились энтузиазмом и гордостью. – И еще вообще никому о нем и не рассказывал... Чтобы сумасшедшим не сочли... – негромко пробормотал он после секундной паузы.

– Вот как? Ну, говори, говори! Постараюсь удержаться от поспешных выводов! – в предвкушении усмехнулся я.

– Только ты не смейся... Я серьезно говорю, без шуток. В общем, дело такое, Валер... Я сделал машину... Изобрел машину времени, – наконец выдал Бот. Сказать, что он ошарашил меня, – это не сказать ровным счетом ничего.

– Юра, а где ты водку-то брал? – сразу же решил уточнить я и на всякий случай принялся внимательно осматривать пу-

стую бутылку. Вроде никаких странностей, да и по вкусу паленой не казалась...

– Да в нормальном магазине и с акцизной маркой. Можешь не сомневаться. Припасена была давно для особого случая... Так и знал, что не поверишь... – разочарованно вздохнул Овечкин. Помолчав немного, он продолжил: – Это своими глазами увидеть нужно. Валерка! Ты же согласишься принять участие в испытаниях, да? Заодно и убедишься во всем сам!

Пару мгновений я смотрел на него, не понимая, шутит Бот или нет. Вскоре дар речи все-таки вернулся ко мне.

– Конечно, Юра! Как обычно! Можешь прожужжать мне все уши своим вечным двигателем, как в шестом классе! Или, чего уж, попробуй опять меня взорвать, как в восьмом. Все свои химические опыты помнишь?! Вот я отлично помню. Ты взростеть-то собираешься? Не шестнадцать уже давным-давно вроде, – не особо скрывая легкого раздражения, съязвил я.

– Так это же когда было!.. Теперь просчитано все точно и серьезно, вот смотри! – мимоходом улыбнувшись детским воспоминаниям, Бот вынул чистый лист из пачки бумаги для принтера, лежащей на моем компьютерном столе, там же схватил первую попавшуюся шариковую ручку. Листок он аккуратно разложил на табурете передо мной и принялся с азартом вырисовывать бесчисленное количество стрелок и формул, пустившись в сложные запутанные объяснения. На-

до сказать, абсолютно безуспешные.

Бот оживленно рассказывал о скорости вращения Земли, скорости движения его машины, временных порталах и воронках, а также о многом, многом другом, что никак не могло быть понятно любому нормальному человеку. В особенности тому, кто не знаком со всеми этими формулами и законами физики – или же знаком на уровне школы. Не было понятно и мне соответственно. После долгого монолога Овечкина, щедро приправленного заумными словами и определениями, я наконец не выдержал.

– Все ясно, Юра. Ты давай отдохни лучше, поздно уже. Иди раскладывай себе диван в спальне, постельное белье в ящике под ним. А я здесь, в зале покемарю, – прервал я его «увлекательнейшую» лекцию. Бот разочарованно засопел, но спорить со мной не стал и поплелся в спальню, напоследок бормоча что-то под нос.

Не снимая одежды, я удобно расположился на своем диване и задумчиво уставился на потолок. Накопившаяся усталость и немалая доза принятого алкоголя незамедлительно оказали свое действие, и вскоре я провалился в долгожданный крепкий сон.

Глава 6

– Лесной, вставай. Просыпайся давай, поехали! – Бот, с виду протрезвевший и бодрый, тормозил меня за плечо с явными намерениями поднять с дивана. Не соображая ничего спросонья, я недоуменно уточнил:

– Куда?..

– Скоро сам все увидишь, – заверил Юрка и, увидев, что действия его не возымели никакого эффекта, схватил меня за руку и принялся тянуть.

– Может, уже уймешься и дашь поспать?! – раздраженно воскликнул я, отдергивая руку.

– Ну уж нет, Валерка. Я такси вызвал. Ждать не будет. Собирайся скорее! – настойчиво продолжал неугомонный Овечкин. Я понял, что отвязаться от него не получится – гораздо проще было согласиться.

– Понятно. Ладно, поехали. Учти, если покажешь галлюцинацию, обратно я тебя сам на такси отвезу – в психушку. Подлечишься! – с сухой иронией ответил я, вздыхая, затем резко встал с дивана, сразу обулся и надел свою легкую демисезонную куртку.

Закрыв входную дверь, мы довольно быстро спустились вниз по лестнице. Темненькая «Дэу Нексия» с ярко-оранжевым световым коробом и надписью TAXI на нем уже поджидала нас возле парадной. Я устроился на заднем сиденье и

молча, с подчеркнуто безразличным выражением, уставился в окно. Бот тем временем уселся рядом с веселым и общительным водителем лет пятидесяти с редкой седеющей шевелюрой и густыми черными усами. Мой приятель назвал направление – я не особо слушал его в тот момент, потому не разобрал, куда именно мы едем, а затем машина тронулась с места. Я всю дорогу молчал, разглядывая неприглядный пейзаж за стеклом, а Юрка весело балагурил с шофером такси о нашем маршруте, питерской погоде, социальном устройстве государства, органической химии, квантовой физике и о многом другом. Откуда вдруг у него взялось столько энергии, я никак не мог понять.

Мы выехали уже далеко за город и мчались по Выборгскому шоссе, когда Бот, внимательно рассматривая дорогу через лобовое стекло, громко и неожиданно произнес:

– Точно. Так, вот здесь тормози.

– Странные вы, ребята. И зачем вам ночью в лес? – водитель коротко взглянул на Бота, но затем невозмутимо добавил: – Хотя дело-то ваше. Главное – заплатите.

Юрка достал бумажник, расплатился с таксистом, и мы вышли из машины – та, мигнув нам напоследок фарами, развернулась и вскоре скрылась вдалеке.

– Вот именно, Овечкин! Зачем мы вообще сюда приехали? – скептически поинтересовался я, с затаенным изумлением разглядывая пейзажи пустынной ночной трассы и заросли дремучего леса вокруг.

Темень стояла почти что чернильная, но глаза быстро адаптировались к мраку.

– Погоди возмущаться, Валерка, мы почти у цели. Ведь недолгая ночная прогулка по лесу не утомит старого спецназовца, правда? – попытался подбодрить меня Бот, а затем зашагал куда-то в чащобу, топая по талому мартовскому снегу, следуя странным и только одному ему понятным маршрутом. Я молча следовал по пятам за ним, хмуро озираясь по сторонам. Идти в кромешной темноте было не особо приятно, и Юрка, видимо, рассудил так же. Он достал из кармана куртки два фонарика – видимо, специально прихваченные им для такого случая. Один протянул мне, а второй включил сам, направляя свет под ноги. Ночная мгла отступила, нырнув в кольца проталин вокруг сонных деревьев.

Так, проплутав по лесным тропинкам около часа, мы вышли на широкую опушку, окруженную со всех сторон стеной деревьев. Над головой тускло мерцали колючие звезды, то и дело прячась за мохнатыми ключьями туч. После того как за нашими спинами осталась поляна, мы снова начали углубляться в лес, и вскоре Бот остановился и торжественным тоном изрек:

– Вот, друг Валера, прибыли! Помогай, а потом восхищайся! – и с этими словами он начал разгребать что-то огромное, находящееся в зарослях густого кустарника и заваленное длинными еловыми сучьями, которые мой товарищ старательно откидывал далеко в сторону. Я тоже сразу принял-

ся за работу, и уже минут через десять мы полностью расчистили то, что пряталось в импровизированном укрытии. Увиденное повергло меня в беззвучное оцепенение.

Это была очень странная машина, внешне напоминающая транспортный вертолет – таких же примерно размеров. Однако лопастей винтов и даже хвостовой балки на ней не было. А вместо всего этого по бокам машины в стороны расходились два маленьких несуразных крыла какой-то неестественной треугольной формы. Под крыльями легко узнавались продолговатые реактивные турбины небольших размеров. Что-то очень напоминающее мощный турбореактивный двигатель находилось в центре хвостового оперения, как раз между вертикальным и горизонтальными стабилизаторами, тоже сконструированными как-то необычно – подобных форм я раньше не видел.

– Смотри, дружище! Теперь-то веришь? – Овечкин стоял рядом с машиной, и глаза его искрились неподдельной гордостью и восторгом.

– Юра, а это работает вообще? Или у тебя правда крыша поехала? – изумленно ответил я вопросом на вопрос.

– Обижаешь, Валера! Работа по машине полностью окончена. Но испытания еще не проводились. Безопасность пилота тоже хорошо продумана, не волнуйся. При любой нештатной работе двигателей система катапультирования сработает автоматически. Вопрос в другом... – мой товарищ рассказывал спокойным, менторским тоном – почти как в школе у

доски, когда он доказывал очередную теорему.

– В чем «в другом»? Давай уже все до конца выкладывай! – нетерпеливо перебил его я, разглядывая машину.

– В случае попадания пилота в другое время, а не в заданное изначально, а также при попадании в будущее, которое совсем непредсказуемо, человек должен быть как минимум адекватен, не подвержен панике, тверд морально и очень хорошо подготовлен физически. Короче, как ты. Это, Валер, я без лести, между прочим, – по-дружески подхалимничал Бот.

Я не отвечал ему, обдумывая, насколько вообще возможно то, о чем говорил Овечкин. С одной стороны, здравый смысл подсказывал, что путешествия во времени – это что-то несбыточное, неосуществимое, из разряда фантастики. А вот с другой... Тем временем Бот приблизился к задней части машины и начал что-то старательно нащупывать, подсвечивая себе фонариком. Я подошел поближе.

– Вот смотри, здесь находится кнопка открывания, – произнес мой товарищ, направив луч света на едва заметное углубление в центре, на уровне моего роста. Затем он с силой нажал на клавишу, находившуюся в этом углублении, и, отодвинув меня назад, отошел сам. Под звуки негромкого монотонного жужжания рампа хвостовой части фюзеляжа медленно опустилась на землю, приветливо открыв нам доступ в машину.

Салон машины был абсолютно пустым. Юрка, шелкнув

находящимся справа на стене тумблером, включил довольно тусклое освещение, а вместе с ним – какой-то едва слышный внутренний моторчик, который по звуку напоминал работу комнатной вытяжки. В салоне не было ни единого окошка или иллюминатора. Стены, пол и потолок покрывал сплошной светло-коричневый материал, похожий на пластик. Я внимательно осматривал всю эту махину изнутри, вращая головой по сторонам и приоткрыв рот от удивления. И как он умудрился все это придумать, смастерить?.. Мой товарищ едва заметно, но все же торжествующе ухмылялся.

– Ну так что, Валер? Согласен?

Решение все же пришло, хотя я и сам не до конца верил в происходящее.

– Объясняй работу пилота и особенности управления твоим агрегатом. Если можно, попроще и попонятнее, – дар речи все же вернулся ко мне, когда мы уже подходили к кабине.

Внутри находилось одно кресло, стоящее по центру, которое всем своим видом напоминало кресло пилота современного военного самолета-истребителя. Впереди – большая приборная доска с приличной сенсорной панелью посередине и множеством кнопок и тумблеров, расположенных симметрично. Справа и слева располагалось несколько рычажков, размером с шариковую ручку каждый.

– Валера, здесь вообще все элементарно! – радостно отозвался Юрка и начал оживленно объяснять мне принцип управления машиной. В действительности выглядело все и

вправду довольно просто. Бот щелкнул клавишу справа с надписью «СТАРТ», после чего сенсорное табло включилось, и мы услышали приятный женский голос речевого информатора. Голос предложил выбрать режим. Овечкин небрежно ткнул указательным пальцем в светящуюся сенсорную надпись «УЧЕБНЫЙ». После чего нам было предложено выбрать место, дату и время перемещения. Мой товарищ ввел первые попавшиеся буквы и цифры. Затем он нажал на появившуюся сенсорную надпись «ГОТОВО», а затем на «ПУСК» соответственно. Все тот же голос вежливо известил нас о том, что работа машины в учебном режиме невозможна.

– Вот этот рычаг открывает рампу, этот закрывает, а вон тот оранжевый закрывает быстро, в экстренном режиме. Все функции кнопок и тумблеров подписаны, заметь – по-русски! Машина работает только в автоматическом режиме, – продолжал несложное обучение Юрка. И, как бы подводя итог, наконец спросил:

– Ну как, дружище? Не сложно, разберешься?

– Уже разобрался. Можем приступать к испытаниям! – бодро отозвался я как ни в чем не бывало.

– Валер, я так сразу и не планировал... Думал пока просто машину показать, – засуетился взволнованный Овечкин, неуверенно поглядывая на меня. – Ты же и не решил даже, в какое время отправишься. Это не шутки.

– Почему же? Уже решил. Ты же знаешь, Юрка, решения я

быстро принимаю. Привычка. Так что давай начнем. Нечего тянуть, – настаивал я.

– В будущее собрался наверняка? – пытался он прочесть мои мысли.

– Ни в коем случае! Узнаю будущее, потом и жить уже неинтересно будет! Только в прошлое, да и то – точно не в свое. Не удивляйся, дружище, но я хочу попытаться там кое-что исправить. Для меня это важно, – неопределенно ответил я, явно ошеломив своего товарища, который прекрасно понимал, что спорить со мной сейчас бесполезно и бессмысленно. Поэтому после короткой паузы он произнес взволнованным и слегка дрожащим голосом:

– Тогда с Богом! Усаживайся в кресло поглубже, пристегни все ремни и ленты максимально туго. Перегрузки при перемещении должны быть незначительными, не более шестнадцати единиц, и продлятся недолго. Далее – выставляем место и время перемещения, затем я выхожу. Тебе останется только закрыть рампу, нажать на сенсоре «ГОТОВО» и «ПУСК».

Я поудобнее устроился в кресле, пристегнулся. Бот внимательно осмотрел меня и тщательно проверил натяжение всех ремней. Пора. После нажатия на кнопку «СТАРТ» в салоне послышался знакомый приятный голос. Соблюдая инструкцию по управлению машиной, я ввел режим «РАБОЧИЙ». На предложение выбрать место перемещения не задумываясь набрал в пустой графе сенсорного табло: «г.

Краснодон». Согласно ткнув пальцем в предложенное «г. Краснодон, Луганская обл., Украина», далее я указал год «1942» и, слегка усмехнувшись округлившимся, удивленным глазам моего друга, ввел месяц «ноябрь», число «01». Время набрал примерно «21.00», так как, если все же получится, появиться там гораздо безопаснее будет именно в темное время суток. Мое внимание привлекли изменения на табло. Машина логично сменила «г. Краснодон, Луганская обл., Украина» на «г. Краснодон, Ворошиловградская обл., СССР».

– Пора прощаться, Юрок! – первым нарушил молчание я и протянул правую руку. Мы пожали друг другу ладони, обменялись легкими хлопками по плечам.

– Поаккуратнее будь, Валера. До скорого, береги себя! – расчувствовался Бот. Теперь уже он не был уверен во всей этой затее, однако я отступить не собирался.

– Все будет хорошо. Я готов. Увидимся, – традиционно произнес я, напоследок ободряюще улыбнувшись ему.

Словом «увидимся» мы всегда и неизменно прощались с близкими друзьями, ввязываясь во что-то не совсем безопасное. Это такое своего рода успокоение. Сказали друг другу «увидимся» – значит, все обязательно закончится хорошо.

– Увидимся, друг! – взволнованно улыбнувшись, ответил мне Юрка и отступил к выходу.

Я дождался, когда стихнут шаги, затем нажал на рычаг закрывания рампы. Речевой информатор и сенсорное табло

просили подтвердить готовность. Уверенно я нажал надпись «ГОТОВО» и после короткой паузы – «ПУСК».

Громкий, набирающий силу рев запустившихся турбин не заставил себя долго ждать. Все мое тело было полностью напряжено. Так бывало всегда в моменты опасности. Каждая мышца сокращалась подсознательно и постоянно находилась в напряжении. Через некоторое время появилось ощущение постепенно нарастающей вибрации. Слегка заложило уши. Я глубоко вдохнул, прикрыв глаза. А в следующий миг произошел резкий старт, мгновенный отрыв от земли и начало движения с неестественно огромной скоростью, которая продолжала увеличиваться. Меня с невиданной силой вдавило в кресло. Тело совершенно прекратило подчиняться сознанию. Невозможно было пошевелить даже пальцем.

«И где же твои обещанные шестнадцать единиц? Больше, Юра! Ого как больше! И что происходит с чувством времени?» – мысли молниями мелькали в моей голове, пока я пытался прислушаться к собственным ощущениям.

Все дело в том, что я вдруг совершенно потерял ориентирование во времени. Это, пожалуй, невозможно будет объяснить, но, находясь полностью в ясном сознании, я четко понимал абсолютную утрату каких-либо временных ощущений. Разница между секундой, часом, минутой или сутками перестала существовать как таковая и не чувствовалась совершенно. Поэтому сколько именно длился мой полет, определить я не мог. В какой-то момент мне удалось опустить

взгляд на циферблат моих наручных часов. И большая, и маленькая стрелки вращались с совершенно невообразимой скоростью, чем-то напоминая крохотный вентилятор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.